

A portrait of Archimandrite Pavel (Gruzdev), a high-ranking clergyman, wearing a white and gold mitre and a green and gold cope. He has a long white beard and wears glasses. The background shows a large white church with multiple onion domes and a tall bell tower under a blue sky with scattered clouds.

ЛЮДИ БОЖИИ

архимандрит
ПАВЕЛ
(ГРУЗДЕВ)

Ольга Леонидовна Рожнёва
Архимандрит Павел (Груздев)
Серия «Люди Божии»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63570502
Архимандрит Павел (Груздев): Издательство Сретенского монастыря;
Москва; 2016
ISBN 978-5-7533-1193-1*

Аннотация

Архимандрит Павел (Груздев; 1910–1996) – великий старец Русской Православной Церкви. Много лет провел в ссылках и лагерях как исповедник православной веры. Стяжал множество даров Святого Духа: прозорливость, духовное рассуждение, пламенную веру, горячую молитву и любовь Христову. Старец утешал, вразумлял, советовал, поддерживал, помогал своей молитвой огромному количеству страждущих, скорбящих, нуждающихся в духовной поддержке, совете, ободрении.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)	4
НАСТАВЛЕНИЯ, СОВЕТЫ,	5
ВОСПОМИНАНИЯ	
Конец ознакомительного фрагмента.	21

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)

НАСТАВЛЕНИЯ, СОВЕТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Старец архимандрит Павел (Груздев) говорил: «Ищите прежде Царствия Божия, а остальное все приложится вам! Потихоньку да помаленьку».

Часто повторял: «Унывать грешно, а скорбеть должно».

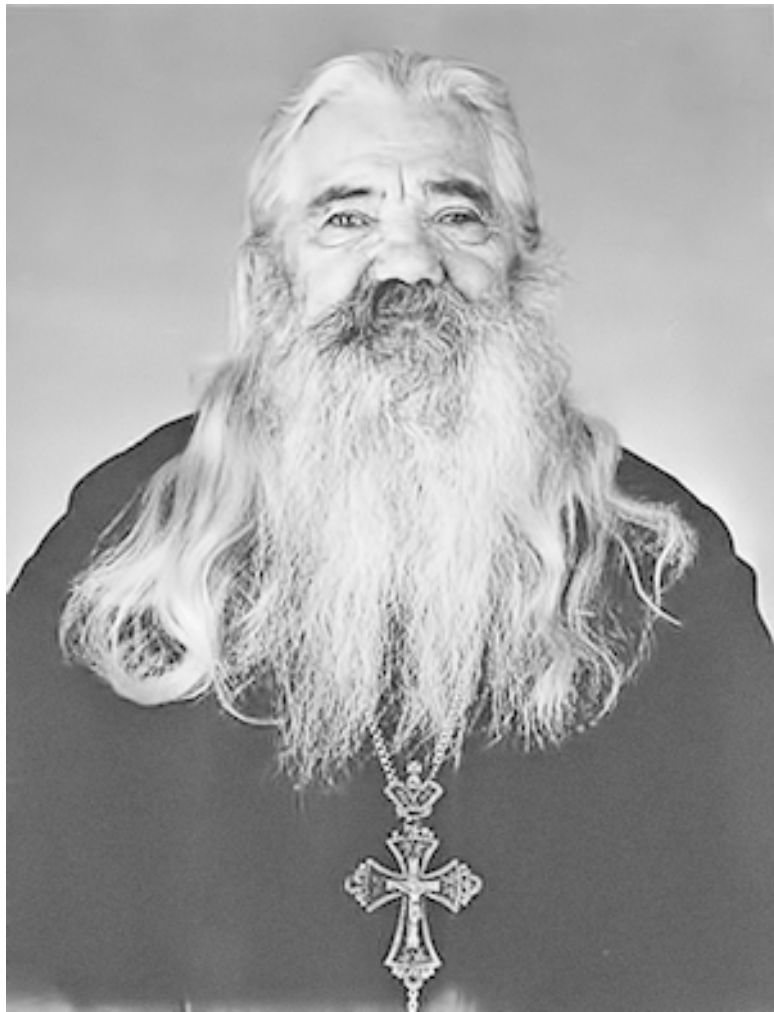
Говорил также: «Родные мои... У совести нет зубов, а она загрызет до смерти... Не теряйте совесть! Совесть потерять – самое страшное».

Он же говорил: «Если кто от тебя заплачет – ух!»; «Не бойся сильного грозы, а бойся слабого слезы...»

Отец Павел некоторым благотворителям советовал: «Не строй церковь, пристрой сироту, из-за сирот и церковь сияет».

Старец наставлял: «Что легко приобретается, то легко и теряется. Таков естественный порядок, кто мало потрудился, тот мало и приобрел».

Еще наставлял: «Употребь труд, имей мерность – богат будешь! Не объедайся, не опивайся – здоров будешь! Твори благо, избегай злаго – спасен будешь!»

Архимандрит Павел (Груздев)

Отец Павел часто повторял: «Лучше свой сноп, чем чужая копна».

Еще повторял: «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу».

Он еще говорил: «Бедный-то ох, а за бедным-то Бог».

Наставлял также: «Не ищи красоты, а ищи доброты».

Старец нередко помогал семейным людям в разрешении конфликтов и проблем, утешал: «И горшки в печи лбами стучаются».

Когда отца Павла спрашивали, как надо молиться, он отвечал: «Как умеешь, так и молись».

Еще говорил: «День трудись, а ночь молись».

О посте говорил: «Поститься да молиться, когда люди не видят... Ты молоко-то пей, а из людей кровь не пей».

Одной слишком разговорчивой женщине советовал: «Дай пост устам твоим!»

Говорил также: «Где родился, там и пригодился, а умру, от вас не уйду».

Архимандрит Павел (Груздев) – великий старец Русской Православной Церкви. С детских лет он жил в монастыре, служил Богу и Церкви, много лет провел в ссылках и лагерях как исповедник православной веры. Стяжал множество даров Святого Духа: прозорливость, духовное рассуждение, пламенную веру, горячую молитву и любовь Христову.

Старец утешал, вразумлял, советовал, поддерживал, помогал своей молитвой огромному количеству страждущих, скорбящих, нуждающихся в духовной поддержке, совете, ободрении.

Свои дары, свою духовную высоту он скрывал, иногда юродствуя.

Отец Павел не был выдающимся богословом, не оставил после себя толстых томов книг и многословных поучений, но сама его жизнь назидательна и поучительна.

Он родился в Мологском уезде Ярославской губернии в бедной крестьянской семье Груздевых, у супругов Александра и Александры. Благочестивые родители воспитывали детей в любви к Богу и ближним, приучали помнить и чтить предков.

Павел Груздев в детстве

Когда началась Первая мировая война, отца семейства Груздевых забрали на фронт. Матери было не по силам кормить большую семью, и она послала Павёлку просить милостыню.

Голодный, измученный, он пришел как-то в мологский Афанасьевский женский монастырь. Вспоминал: «В детстве пришел я к своим теткам в монастырь, они все три были монахини. Евстолия – коровница, Ольга – иконописка, Елена – просфорница. Отцовы сестры». Жалкий вид ребенка

тронул сердца монахинь, и сестры решили просить разрешения оставить его в обители.

Мать Евстолия повела крестника к игуменье. Отец Павел вспоминал: «Пришли. В ноги бух! Игуменья и говорит: “Так что делать, Павлёнко! Цыпят много, куриц, пусть смотрит, чтобы воронье не растащило”... Цыпят пас, потом коров, лошадей. Потом... стал к алтарю ходить, кадила подавать, кадила раздувать...»

Еще вспоминал: «В день святителей Афанасия Великого и Кирилла, архиепископов Александрийских, в нашу обитель приезжали отовсюду, в том числе и священство: отец Григорий, иеромонах с Толги, архимандрит Иероним из Юги, настоятель Адрианова монастыря, иеромонах Сильвестр, пять-шесть батюшек еще. Да на литию-то как выходили, Господи! Радость, красота и умиление».

Павёлка научился трудиться и молиться по-монашески. Зимой он возил дрова, летом работал в огороде, пас монастырскую скотину. К восемнадцати годам юноша, помогая сестрам, исполнял всю тяжелую физическую работу в монастыре.

Патриарх Тихон, гостивший в Мологской обители, благословил послушника Павёлку носить подрясник, своими руками надел на него ремень и скуфейку, тем самым как бы дав ему свое святительское благословение на монашество. Эти подрясник, скуфейку и четки отец Павел хранил всю жизнь, сберег их, пройдя через все испытания.

Недолгое время Павел был судебным заседателем: «Первым вошел в зал заседания я, за мной Ольга. Батюшки! Родные мои, красным сукном стол покрыт, графин с водой... Я перекрестился. Ольга Самойловна толкает меня в бок и шепчет мне на ухо: “Ты, зараза, хоть не крестися, ведь заседатель!” – “Так ведь не бес”, – ответил я ей. Хорошо! Объявляют приговор, слушаю я, слушаю... Нет, не то! Погодите, погодите! Не помню, судили за что – украл он что-то, муки ли пуд или еще что? “Нет, – говорю, – слушай-ка, ты, парень – судья! Ведь пойми, его нужда заставила украсть-то. Может, дети у него голодные!” Да во всю-то мощь говорю, без оглядки. Смотрят все на меня и тихо так стало... Пишут отношение в монастырь: “Больше дураков в заседатели не присылайте”. В 1928 году Павла признали негодным и к службе в армии из-за “слабого умственного развития”».

Отец Павел писал о закрытии Афанасьевского монастыря: «3 (16) января 1930 года была последняя служба в храме. После окончания литургии всех верующих вытолкали из храма, а все колокола поскидали и перебили». Так Павлу пришлось покинуть обитель, приютившую его с детства.

Его отец обратился с письмом к бывшему своему боевому товарищу, отцу Ионе, иеродьякону Хутынского монастыря под Новгородом: «Я к тебе пришлю Павёлку». Монахов в Хутыни было в то время уже очень мало, наместником до последних дней оставался архимандрит Серафим. И хутынская

братия с радостью приняла двадцатилетнего чтеца и звонаря Павлушу Груздева из разрушенной Мологской обители.

Хутынский монастырь

В Хутины Павел шел и читал на клиросе с монастырской братией, звонил в колокола по мологской своей выучке, следил за порядком и чистотой у раки с мощами преподобного Варлаама. Одновременно приходилось трудиться на благо государства – работал на Деревяницкой судостроительной верфи.

В Хутынском монастыре, с благословения епископа Алексия (Симанского), будущего патриарха, Павла постригли в иноки.

Через четыре года обитель закрыли. Единственным, что разрешили отцу Павлу милицейские чины взять на память из обители, была икона преподобного Варлаама. С этой иконой, словно самой дорогой святыней, Павел (Груздев) покинул Новгород 6 мая 1932 года...

Позднее, в лагере, в трудных обстоятельствах взмолился отец Павел: «Преподобне отче Варлааме! Я у тебя четыре года жил, угодник Божий! Я твою раку, около мощей-то, всегда обтирал! Помоги мне, отче Варлааме, и мои грехи-те обрати, омой твоими молитвами к Господу нашему, Спасителю Иисусу Христу!»

После закрытия монастыря инок Павел несколько лет жил на родине, работал на скотном дворе государственной селекционной станции. Родная деревня попала в зону затопления Рыбинского водохранилища. В 1938 году с отцом они разобрали избу, сплавили ее по Волге до Тутаева и там, на левом берегу, собрали. Здесь и жил отец Павел с родными, работал на базе «Заготскот», ходил в церковь, пел на клиросе, пономарил.

В 1938 году его арестовали. Обвинение гласило: «Обвиняемый Груздев, будучи участником антисоветской группы с 1938 по 1940 год размножал для группы антисоветские сти-

хотворения, хранил у себя частицы мощей, несколько сот печатных изображений святых и при помощи этого проводил антисоветскую агитацию против существующего строя в нашей стране».

Выпущен за недостатком вины, снова арестован в 1941 году как социально опасный элемент. Отец Павел вспоминал, как в ярославской тюрьме, в ночном кабинете следователя, пятна крови от бесчисленных издевательств и побоев въелись в пол. Пятнадцати заключенным, среди которых был он сам, не хватало воздуха в тесной одноместной камере, поэтому они, чтобы подышать, по очереди припадали к дверной щели у пола.

На допросах отца Павла избивали, слепили глаза. Здесь он начал терять зрение. Следовательно кричал на него: «Ты, Груздев, если не подохнешь здесь в тюрьме, то потом мою фамилию со страхом вспоминать будешь! Хорошо ее запомнишь – Спасский моя фамилия, следовательно Спасский!» Отец Павел вспоминал о следователе без злобы, с шуткой: «Прозорливый был, зараза. Страх, правда, не имею, но фамилию его не забыл, до смерти помнить буду. Ведь все зубы мне повывбил, вот только один на развод оставил».

Следователь добивался, чтобы он сказал, что Бога нет. «Есть, дяденька». Ему зуб выбили. Опять – скажи «нет». – «Есть, дяденька, есть!» Опять выбили. «Ну где на вас зубов напасешься?» – «Я тебя сгною». – «Не сгноил, – вспоминал отец Павел. – Я-то до сих пор жив, а он, бедный... Через два года и его, и товарищей расстреляли... Ему надо было, чтоб я сказал, что Бога нет, а Он есть».

Отец Павел вспоминал, как везли его с другими заключенными в декабре 1941 года в лагерь. Заключенные ехали в вагонах стоя – так тесно было, им ничего не давали ни есть, ни пить. Привезли и отправили в баню: «Дали по ковшичку воды – горячей и холодной, так все ковшик горячей сразу же и выпили». Такая вот банька...

Шесть долгих лет лагерей под Вяткой: голод, холод, непосильный труд. В лагере отец Павел обслуживал железнодорожную ветку, по которой из тайги вывозился лес с лесопо-

вала. Многих людей спас он от голодной смерти, имея пропуск на свободный выход и вход в зону: «Хочу в лес иду, а хочу и вдоль леса... Но чаще в лес – плетеный из веточек пестерь в руки беру и – за ягодами. Сперва землянику брал, потом морошку и бруснику, а грибов-то! Ладно. Ребята, лес-то рядом! Господи Милостивый, слава Тебе!» Охранники концлагеря называли отца Павла «святоша».

В первую суровую лагерную зиму 1941/1942 года уголовники как-то оставили отца Павла без обеда: «Только баланды получил, несу – подножку подставили, упал. А под веничком был у меня спрятан кусочек хлеба – маленький такой, с полладони, столько давали хлеба в день. Украли его! А есть хочется! Что же делать? Пошел в лес – был у меня пропуск как у бесконвойного – а снегу по колено. Может, думаю, каких ягод в лесу найду, рябины или еще чего. И смотрю – поляна. Снега нет, ни одной снежинки. И стоят белые грибы рядами. Развел костер, грибы на палку сырую нанизал, обжаривал и ел, и наелся».

Из лагеря отец Павел писал домой: «Митя, сходи к моей маме, утешь ее, пусть обо мне не расстраивается. Если ж и не вернусь, то что уж, пусть не печалится, а я своей участью доволен и ни капли не обижаюсь. Не все пить сладкое, надо попробовать и горького, но горького пока что я не видел».

Отец Павел (Груздев)

После тюрем и ссылок отец Павел мог босиком ходить по снегу даже в тридцатиградусный мороз. Он поделился как-то: «Когда был в заключении, пилили дрова. Как все сядут отдохнуть или покурить, так я бегу за костер Богу молиться. Один раз меня увидели и за это привязали к березе, а сапоги сняли. Снега было по колено. Я стоял до тех пор, пока снег не растаял под ногами до земли. Думал все – заболею и умру. А я и не кашлянул. Вот с тех пор у меня ноги и не зябнут. Я бы мог ходить все время босиком, но не хочу народ смущать».

О своей работе в лагере на железной дороге отец Павел рассказывал такой случай: «...Прошел я свой участок пути до конца, все тщательно проверил и доложил начальнику об исправности пути... Мчится наш паровоз сквозь ночную мглу, и вдруг – толчок! Но ничего, понеслись дальше, только начальник мой рассердился... И вдруг – вторичный толчок! Начальник рассвирепел: “В карцер посажу!!!” А как приехали, я обратно по путям побежал: надо ж разузнать, что за толчки были, ведь поезд пойдет, храни Бог, что случится. Гляжу – на путях лошадь лежит без головы. Бог дал мне силы, еле-еле стащил я труп с рельсов в сторону, дальше пошел... И что же: еще одна лошадь с отрезанными ногами лежит на рельсах... Стащил я и эту тушу в сторону и пошел к сараю, где должен был быть пастух... И слышу я какие-то хрипы. Вхожу в сарай, а там пастух висит. Я скорее вскарабкался, перерезал своим инструментом веревку. Тело грохнулось на землю. Я давай его трясти, ворочать, по пяткам бить. Нет пульса! Но я не унимаюсь, молюсь: “Помоги, Господи, коль Ты послал меня сюда в последний его момент”... Стал снова пульс щупать. Слышу – сердце бьется у пастуха... Прибежал я в санчасть, доложил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.